

И. Н. БОЖЕРЯНОВЪ.

Иллюстрированная исторія русскаго театра

XIX
вѣка.

ТОМЪ
II.

ВЫПУСКЪ
5 и 6.

Издание автора.

А

Съ выходомъ слѣдующаго выпуска

Иллюстрированной Исторіи Русскаго Театра XIX вѣка

цѣна изданія для новыхъ подписчиковъ будетъ повышена на два рубля.

**VII выпускъ будетъ посвященъ описанію театра
времени Императора Александра II.**

VIII—театру Царствованія Императора Александра III.

Въ эти два выпуска, согласно программы изданія, должны войти главнымъ образомъ и портреты современныхъ артистовъ, начавшихъ свою дѣятельность въ концѣ прошлаго вѣка, какъ драмы, такъ и оперы, а потому *обращаемся ко всемъ нимъ съ покорнѣйшею просьбою доставить намъ свои фотографическія карточки и краткія автобіографіи, по образцу уже помѣщенныхъ въ VI выпускѣ.*

Въ вышедшихъ шести выпускахъ помѣщены портреты слѣдующихъ артистовъ и артистокъ, которымъ даемъ алфавитный перечень:

Абарина А. И.
Акимова С. П.
Андреевъ А. Н.
Андреевъ-Бурлакъ В. Н.
Антоновскій А. П.
Асенкова В. Н.
Барцалъ А. И. (режиссеръ).
Біанки.
Бичурина.
Бобровъ Е. П.
Бравичъ К. В.
Брянскій Я. Г.
Булахова А. А.
Булаховъ П. П.
Бюдель.
Васильевъ 1 В. И.
Васильевъ 2 В. М.
Васильевъ 3 А. В.
Велинская.
Верни Е. К.
Волковъ О. Г.
Глѣбова М. М.
Гринева Е. В.
Дейша-Сіоницкая М.
Декарсъ О.
Дмитревскій И. А.
Дмитріева.

Дубровская М. А.
Дюръ Л. О.
Дюръ Н. О.
Ершовъ И. В.
Живокини В. И.
Жулева Е. Н.
Ильина М. И.
Кадмина Е. П.
Каменская М. Д.
Каратыгина А. Д.
Каратыгина А. М.
Каратыгинъ В. А.
Касторскій В. И.
Кирѣевъ И. П.
Клебекъ.
Колосова.
Коммиссаржевская В. Ф.
Коммиссаржевскій Ф. И.
Кондратьевъ Г. П. (режиссеръ).
Корсовъ Г. Г.
Корякинъ.
Косецкая.
ицкая Л. П.
тикова А. П.
тицкій А. М.
инскій А. М.
рова-Васильева Е. Н.

2004126036

168-44
W. 168-44

ОТЪ АВТОРА.

Въ нынѣшнемъ году исполнилось 150 лѣтъ существованія Императорскихъ театровъ въ Петербургѣ и 100 лѣтъ въ Москвѣ; въ этотъ знаменательный годъ нашъ трудъ доведенъ до конца царствованія Императора Николая I. т. е. обнимаетъ періодъ 55 лѣтъ.

Полвѣка тому назадъ, 6 декабря 1856 г., въ Большомъ театрѣ (теперь зданіе консерваторіи) праздновался въ Петербургѣ 100-лѣтній юбилей русскаго театра; по этому случаю былъ открытъ конкурсъ для пьесы приличной торжеству. Изъ представленныхъ пьесъ выборъ палъ на „30-ое Августа 1856 года“ В. Р. Зотова и на „30 Августа 1756 года“ графа Сологуба. Въ первой, написанной стихами, въ видѣ аллегоріи, комедію и драму олицетворяли Н. Самойлова и Орлова, а во второй, изображавшей эпоху созданія „*Россійскаго Театра*“ и ея главныхъ дѣятелей явились: Сосницкій — Пушкинымъ, Мартыновъ — Тредьяковскимъ, Самойловъ — Сумароковымъ, Максимовъ — Волковымъ и т. д.

Актеръ П. Григорьевъ издалъ съ рисункомъ Александринскаго театра и портретами писателей и актеровъ свое сочиненіе «Въ память столѣтія русскаго театра, оригинальное драматическое представленіе, составленное въ 3 отдѣленіяхъ въ прозѣ и стихахъ, съ хорами и танцами». Эта книжечка осталась единственнымъ памятникомъ празднованія 100-лѣтія русскаго театра, такъ какъ дирекція сама ничего не издала.

Такое упущеніе, весьма замѣтное и довольно постыдное, нынѣшніе заправилы русской Императорской труппы поправили изданіемъ труда барона Н. Д. Дризена «Стопятидесятилѣтіе Императорскихъ театровъ» *) (по новымъ архивнымъ свѣдѣніямъ), которое обнимаетъ собою лишь начало учрежденія русскаго театра. Изданіе изящное, украшенное прекрасными портретами: Сумарокова, Волкова, Шумскаго и Дмитревскаго. Относительно текста этого сказать нельзя. Такъ, напримѣръ, неприведено печатное объявленіе перваго директора русскаго театра Сумарокова, помѣщенное въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, въ которомъ сказано; *„Потребно нынѣ къ русскому театру нѣсколько комедіанокъ и тѣ бѣ явились у бригадира и русскаго театра директора г. Сумарокова“*. По этой публикаціи, быть можетъ, и явились первые актрисы русской труппы Марія и Ольга Ананьины и Аграфена Мусина-Пушкина. Онѣ вышли вскорѣ замужъ за актеровъ: первая — за Григорія Волкова; вторая — за Шумскаго; третья — за Дмитревскаго („Русскій Вѣстн.“ 1869, № 6, стр. 560) Штелинъ ихъ прямо называетъ первыми русскими актрисами („Спб. Вѣстн.“ 1779 г., ч. 4, стр. 93). Извѣстіе о первыхъ актрисахъ Зориной и Авдотьи Михайловой („Основаніе Рус. Театра“ Карабанова стр. 28) явилось уже у позднѣйшихъ лѣтописцевъ театра, и вѣроятно, что онѣ поступили въ петербургскую труппу уже позже, а послѣдняя перешла въ нее изъ Москвы, вовсе и не бывши прежде на петербургской сценѣ.

*) Самый юбилей праздновался въ Александринскомъ театрѣ, которому въ будущемъ году исполнится 75 лѣтъ со дня открытія. Подлинныя планы этого театра, начерченные собственноручно строителемъ-архитекторомъ Росси, находятся въ Импер. Публичной Библіотекѣ.

Эти свѣдѣнія о первыхъ актрисахъ заимствованы нами изъ статьи покойнаго библіографа М. Н. Лонгинова „Русскій театръ въ Петербургѣ и Москвѣ 1749—1774 г.“, напечатанной въ приложеніи къ XXIII тому Записокъ Импер. Академіи Наукъ въ 1873 году.

Въ 1757 г. 5 Мая совершилось первое представленіе „для народа“ вольной трагедіи русской за деньги на театрѣ Зимняго дворца (Камеръ-фурьерскій журналъ 1757 г.), въ который до тѣхъ поръ зрители допускались лишь по чинамъ и даромъ. Въ 1761 г. впускъ въ русскій театръ публики за деньги былъ прекращенъ и возобновлена раздача мѣста въ спектакляхъ по чинамъ (соч. Греча, т. III, стр. 206). Баронъ Дризенъ не приводитъ этихъ свѣдѣній, а замѣчаетъ на стр. 25 лишь о томъ, «что до 1759 г. съ публики взималась нѣкоторая плата за представленіе. Съ увеличеніемъ ассигновки (на театр), плата не только не увеличилась, но было приказано «партикулярныхъ зрителей» впускать впередъ «безденежно». Далѣе баронъ Дризенъ замѣчаетъ: «Совершенно неизвѣстно, въ какомъ видѣ былъ использованъ Головкинскій домъ подъ театр: устроена-ли тамъ сцена, или просто комнаты бывшаго дворца приспособлены для помѣщенія комедіантовъ»? На этотъ вопросъ есть положительный и точный отвѣтъ: въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1752 г. былъ устроенъ въ домѣ Головкина на Васильевскомъ островѣ театр, гдѣ будущіе актеры для практики играли разныя пьесы, впрочемъ не публично («Спб. Вѣстн.» 1779 г. ч. IV, стр. 92).

Вотъ факты на которыхъ долженъ былъ остановить особое вниманіе исторіографъ въ день 150-лѣтія русскаго театра.

Къ началу XIX вѣка провинція имѣла свои уже театры, устроители которыхъ, какъ оказывается, были даже новаторами въ театральномъ дѣлѣ.

Такъ, А. С. Гацискій въ изданной книжечкѣ „Нижегородскій театр“ (1798—1867 г.) говоритъ: «Учредителемъ публичнаго нижегородскаго театра былъ мѣстный помѣщикъ полковникъ князь Николай Григорьевичъ Шаховской, меньшей братъ богатаго москвича Бориса Григорьевича. „Оба одержимы были, пишетъ въ своихъ запискахъ Ф. Ф. Вигель, сильною сценической“, но меньшей братъ «находилъ, что сцена производитъ гораздо болѣе эффекта, когда она одна только освѣщена, а всѣ другія части театра погружены въ тьму. Оттого въ партерѣ можно было играть въ жмурки, а въ ложахъ, чтобы разсмотрѣть другъ друга въ лицо, каждый привозилъ съ собою кто восковую, кто сальную свѣчку, а иные даже лампы».

Странно намъ читать теперь эти строки, такъ какъ зрительная зала во время дѣйствія погружается въ полумракъ, но чтобы сказала нынѣшняя публика, еслибъ, являсь на представленіе «Ифигеніи» Гете или «Короля Лира» Шекспира, увидала вдругъ Ореста въ черномъ фракѣ и бѣломъ галстухѣ? Чтобы мы сказали, еслибъ лишившійся разсудка англійскій король скитался бы по степи вмѣстѣ съ бѣднымъ Томомъ въ лакированныхъ сапогахъ и лайковыхъ перчаткахъ?

Англійскій, французскій и испанскій театры въ самое цвѣтущее время своего существованія не знали другихъ костюмовъ, кромѣ тѣхъ, какіе предписывала современная мода. Остается еще нерѣшеннымъ вопросъ, кто далѣе отъ истины, семнадцатый или восемнадцатый вѣкъ, выводившій на сцену парики и фижмы, или девятнадцатый, стремившійся поражать зрителей роскошью обстановки и блескомъ декораций. Тогда кое-что представлялось воображенію, те-

перъ-же кажется недоступнымъ пониманію все, что не облечено въ самыя осязательныя формы.

Вольтеръ при постановкѣ нѣкоторыхъ изъ своихъ пьесъ отказывался отъ приходившейся ему авторской части, обращая ее на изготовленіе необходимыхъ костюмовъ. Даже король пожертвовалъ 5,000 ливровъ на новую декорацію для «Семирамиды» Вольтера, а для «Катилины» Кребильона приказалъ на собственный счетъ изготовить для всѣхъ актеровъ римскія тоги. То была первая, робкая попытка къ реформѣ, которая вначалѣ только ухудшила дѣло. Гордые римляне, облекшись въ тоги, продолжали подъ ними носить свои шелковые кафтаны и коротенькіе панталоны. Въ дни революціи молодой актеръ Тальма, видя все возраставшее отвращеніе публики ко всему придворному, осмѣлился сдѣлать рѣшительный шагъ къ измѣненію костюмировки.

Другъ его, художникъ Давидъ, подготовившій торжество античной манеры въ искусствѣ, подстрекалъ его произвести въ пользу ея переворотъ также и на сценѣ. Дѣйствительно, Тальма появился въ вольтеровскомъ „Брутѣ“, гдѣ игралъ незначительную роль Прокула, одѣтый въ римское платье, съ обнаженными руками и ногами и въ своихъ собственныхъ каштановыхъ волосахъ, вмѣсто обычнаго напудренного парика. Его товарищи пришли въ неописанное негодованіе, а дѣвица Конта, одна изъ первыхъ актрисъ «Французской комедіи», съ отвращеніемъ отъ него отвернулась, говоря, что онъ, какъ двѣ капли воды, похожъ на эти противныя древнія статуи. Зрители въ первую минуту тоже были поражены необыкновеннымъ видомъ Тальмы, но вскорѣ поняли смыслъ подобнаго новшества. Если всюду пробуждалось стремленіе къ правдѣ и простотѣ, зачѣмъ же на сценѣ придерживаться долѣе какого-нибудь этикета? Большинство объявило себя за Тальму, примѣру котораго мало-по-малу послѣдовали и другіе актеры.

Отъ далекаго прошлаго возвратимся къ настоящему выпуску, которымъ окончено описаніе эпохи царствованія Императора Николая I; онъ изъ всѣхъ труппъ предпочиталъ русскую драматическую. Это предпочтеніе, оказывавшееся Государемъ, воспринималось всѣмъ Петербургомъ, и русскій драматическій театръ имѣлъ въ то время даже свои партіи, своихъ присяжныхъ посѣтителей, которые забирались ежедневно въ театръ почти за часъ до начала представленія. Кромѣ литераторовъ и художниковъ, въ то время сильно тяготѣвшихъ къ русской драматической труппѣ, она имѣла еще свое общество въ театрѣ, состоявшее изъ молодыхъ людей, военныхъ и статскихъ, самаго интеллигентнаго общества, которое называлось даже въ шутку „лѣвымъ флангомъ“, въ виду того, что имѣло свои абонированныя кресла въ первыхъ рядахъ партера съ лѣвой стороны.

Императоръ Николай I, какъ замѣчаетъ Н. В. Дризенъ, въ „Матеріалахъ къ исторіи русскаго театра“, — „былъ физически здоровѣе своихъ предшественниковъ, и въ силу этого его система была непосредственнѣе, цѣльнѣе и, быть можетъ, неподвижнѣе“. Съ послѣднимъ трудно согласиться, такъ какъ извѣстно, что тамъ, гдѣ обыденная жизнь общества течетъ неправильно, можно съ увѣренностью сказать, что умственная и художественная его дѣятельность также не отличается присутствіемъ въ ней здоровыхъ началъ. Тѣмъ не менѣе всегда и вездѣ одинъ лишь театръ сохранялъ за собой право возвѣщать міру идеи правды, независимости, терпимости и справедливости.